

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА ПЕРЕД УЧАСТНИКОМ

КОРТИАШВИЛИ
Нателла Валерьевна

студент 4 курса Факультета права
Высшей школы экономики

✉ nkortiashvili@mail.ru

Аннотация. Вследствие реформы гражданского законодательства 2014 г. увеличилось количество диспозитивных норм, регулирующих корпоративные отношения, в силу чего изменилась сама природа фирмы. Корпорация, как *pexus of contract*, является фиктивным образованием, чьи интересы определяются интересами участников. Поэтому те инструменты восстановления нарушенных прав участников общества, которые предлагает современное законодательство, не являются эффективными. Поскольку в основе юридического лица лежит сделка учредителей, несмотря на то, что позитивное законодательство не содержит прямой нормы, вменяющей обязанности одного участника по отношению к другому, тем не менее, возможно вменение участникам охранительной обязанности «не вредить» друг другу, вытекающей из п. 3 ст. 307 ГК РФ, а следовательно, и признание прямого иска участника к участнику на основании принципа добросовестности.

Ключевые слова: *pexus of contract*, прямой иск участника к участнику, охранительные обязанности участников общества.

Для цитирования: Кортиашвили Н.В. Ответственность участника общества перед участником // Сфера права. 2020. № 1. С. 25–28

Реформа гражданского законодательства 2014 г. ознаменовалась значительным ростом диспозитивных норм корпоративного права, в частности в отношении регулирования деятельности непубличных обществ. При этом снижение числа императивных норм неизбежно сопровождается усилением экспансии принципа свободы договора в отношениях, вмешательство в которые со стороны государства тем самым становится менее интенсивным. Безусловно, в корпоративном праве свобода договора не была и не может быть абсолютной (например, в части организационно-правовых форм юридических лиц), однако тенденция к снижению регуляторной нагрузки на внутренние корпоративные отношения приводит к тому, что меняется сама природа фирмы.

И если всего несколько десятилетий назад как отголосок советской эпохи органическая теория происхождения фирмы оправдывалась императивностью корпоративного законодательства, через которое государство фактически «сверху» насаждало ту модель корпоративных отношений, в рамках которой участники могли вести совместный бизнес, то в свете реформы 2014 г. участники особенно непубличных корпораций имеют право формировать структуру своих отношений «с низу» за счёт, в частности, корпоративного договора. Безусловно, базис императивных норм формирует некий каркас, состоящий из организационно-правовой формы, органов общества и т.д., однако, например, внутренние корпоративные процедуры, количество голосов, необходимых для принятия того или иного решения, порядок осуществления корпоративных прав участников непубличной корпорации и даже ответственность директора могут быть предметом корпоративного договора. В данном контексте состоятельной выглядит контрактанская теория фирмы (амер. – *pexus of contract*), которая приобретает популярность среди современных исследователей корпоративного права. Таким образом, природа фирмы определяется преобладающим методом правового регулирования корпоративного законодательства.

Следует отметить, что указанный вопрос не является сугубо теоретическим, а напротив, имеет прикладное значение, так как через проблему интереса юридического лица подводит нас к вопросу ответственности участника общества перед другим участником.

Так, по мнению Д.И. Степанова, в силу фиктивной природы юридического лица его интерес является изменчивым и не имеет какой-либо константы. При этом интерес юридического лица отождествляется с интересом той группы участников или того участника, который охраняется конкретным институтом корпоративного права⁴⁰. Таким образом, интерес юридического лица не отделим от субъективного интереса его участников. При этом доводы Степанова оправдываются и тем, что в корпоративном праве в ряде случаев законодатель проявляет патернализм, отходя от принципа большинства в защиту интересов миноритариев. Иными словами, интерес юридического лица действительно не является постоянным и оценивается отдельно в каждом конкретном случае. Указанная особенность современного корпоративного законодательства также свидетельствует в пользу фиктивной природы юридического лица. В данном контексте, когда вуаль юридического лица отходит на второй план, на первый план выходят отношения между участниками.

Как уже было отмечено, большая диспозитивность приводит к увеличению свободы и тем самым открываются широкие возможности для злоупотреблений со стороны одних участников корпорации во вред другим. При этом названные злоупотребления далеко не всегда могут носить односторонний характер со стороны мажоритарных участников, как принято считать. Но и миноритарные участники, в особенности в непубличных обществах, обладая хоть и минимальным уровнем корпоративного контроля, но имея тем самым возможность блокировать принятие ряда решений или заявлять технические иски (гринмэйл), могут оказывать негативное влияние на стоимости долей иных участников.

Таким образом, как мажоритарии, так и миноритарии имеют реальные механизмы воздействия на права и интересы друг друга. Безусловно, в связи с наличием операционного контроля над фирмой мажоритарии более часто наносят вред интересам миноритариев. При этом убытки у самой компании в результате недобросовестных действий мажоритария могут и не наступить, однако иные участники общества, тем не менее, понесут определённые потери, так как не всегда их убытки являются отражёнными от убытков юридического лица. Например, мажоритарный участник может обеспечивать вывод активов общества через свои аффилированные лица, при этом формально у общества не будет чистой прибыли для выплаты дивидендов, и как следствие, миноритарии не смогут реализовать свой законный интерес в получении части прибыли. В такой ситуации конструкция косвенного иска не способна обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав миноритарного участника общества. И именно в данном контексте встаёт вопрос о наделении участника правом на подачу прямого иска к другому участнику, действиями которого ему непосредственно были причинены убытки. Вопрос подачи иска — это вопрос нарушения обязанности ответчиком. То есть для наделения участника общества правом на прямой иск к другому участнику необходимо констатировать наличие определённых обязанностей у одного участника не перед самой корпорацией, а перед другими участниками общества.

В российском корпоративном праве отсутствует общая норма, которая являлась бы основанием для подачи прямого иска. В свою очередь, нельзя с уверенностью утверждать, что отечественное законодательство и вовсе не признает возможность удовлетворения нарушенных имущественных интересов одного участника за счёт другого участника, а не корпорации: за неправомерные действия, которые привели к утрате доли

⁴⁰ Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83.

участия⁴¹, за недобросовестное содействие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации⁴², при обязательном предложении и принудительном выкупе акций (в части цены)⁴³. Однако ни ГК, ни профильные законы эксплицитно не признают возможность привлечения участников к ответственности перед другими участниками. Отсутствие общей нормы, служащей основанием для привлечения к подобной ответственности, обусловлено именно тем, что законодательство не признаёт наличие обязанностей участников по отношению друг к другу.

Напротив, корпоративное законодательство США, на основе которого был написан ФЗ «Об акционерных обществах», признаёт наличие у директоров и мажоритарных участников фидуциарных обязанностей по отношению к иным участникам компании. Более того, для миноритариев, чьи интересы нарушаются недобросовестными действиями мажоритариев доступен специальный вид иска: *oppression claim*. С другой стороны, законодательство Англии, несмотря на отсутствие у участников корпорации фидуциарных обязанностей по отношению друг к другу, признаёт институт *unfair prejudice*, который позволяет участникам использовать определённые меры защиты собственных интересов против иных, в том числе мажоритарных, участников⁴⁴.

Предложение ввести в российское законодательство институт фидуциарных обязанностей участника перед участником видится излишне радикальным, однако принципиальное признание наличия общих оснований для ответственности участников друг перед другом, хотя бы на уровне разъяснений пленума ВС, необходимо.

Судебная практика отрицает возможность подачи иска об убытках от одного акционера к другому на основании ст. 1064 ГК в связи с тем, что специальное корпоративное законодательство имеет приоритет над данной общей нормой⁴⁵. Вместе с тем нет необходимости изобретать институт, которого нет в действующей редакции ГК.

Связь между участниками является относительной, так как в основе возникновения корпорации лежит сделка учредителей⁴⁶. В таком случае устав имеет сделочную природу, из чего с неизбежностью следует вывод о наличии особого рода обязанностей одного участника перед другим. Такими обязанностями, подразумеваемыми в любых договорных отношениях, являются поведенческие обязанности, теория которых подробно разработана в доктрине Германии.

Как пишет А.В. Егоров, предметом защиты таких обязанностей является лично-правовой и имущественно-правовой *status quo* стороны⁴⁷. При этом за нарушение таких обязанностей наступает ответственность. Иными словами, основная идея поведенческих (охранительных) обязанностей стороны сделки заключается в следующем: не навреди своему контрагенту.

Развитие указанной идеи косвенно нашло отражение и в российском законодательстве. Так, согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга. Таким образом, можно сделать вывод о

⁴¹ п. 3 ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994 № 32. ст. 3301.

⁴² п. 4 ст. 60.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ

⁴³ Глава XI.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. ст. 1.

⁴⁴ Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.

⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶ Степанов Д.И. Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ 2010. № 3. С. 6.

⁴⁷ Егоров А.В. Структура обязательственного отношения. Нарботки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.

том, что в силу самой природы учредительного документа на участников общества возлагается обязанность принимать во внимание и учитывать при совершении каких-либо действий права и законные интересы других участников, как сторон единой многосторонней сделки по созданию общества. Соответственно, за нарушение подобной обязанности может и должна следовать ответственность участника перед участником, то есть за участником должно быть признано право на подачу прямого иска.

Библиографический список:

1. Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.
2. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.
3. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1. С. 29–83.
4. Степанов Д.И. Сделка учредителей и присоединение к ней последующих участников // Вестник ВАС РФ. 2010. № 3. С. 6–65.